

ЛИТЕРАТУРА XVIII века

В России же на протяжении всего XVIII в. господствовало ощущение, что и общество, и культуру нужно создавать, причем создавать по заранее намеченной и сконструированной модели идеального общества и идеальной культуры.

Естественно, что главная роль в этом планомерном культурном жизнестроительстве отводилась писателю. Писательство было не профессией, а служением — и это организовывало в русской литературе XVIII в. такие отношения литературы с жизнью, которые оказались прямо противоположны аналогичным западноевропейским. Анализируя западноевропейский литературный быт на рубеже XVII—XVIII вв., Ю. М. Лотман справедливо заметил, что «Там [в Европе] быт генерировал текст, здесь [в России] текст должен был генерировать быт. Этот принцип вообще очень существен для литературы XVIII в., она становится образцом для жизни, по романам и элегиям учатся чувствовать, по трагедиям и одам — мыслить» [3]. Эта первичность жизни духа, идеального бытия, по отношению к материальному быту предопределила и специфические отношения между писателем и читателем: «писатель не следит за культурной ситуацией, а активно создает ее. Он исходит из необходимости создавать не только тексты, но и читателей этих текстов, и культуру, для которой эти тексты будут органичны» [4].

Отсюда закономерно следует определенная иерархия внутри самой русской словесной культуры нового времени — литература как бы распадается на два способа функционирования по критерию отношения читателя и писателя. На протяжении почти всего XVIII в. существуют две литературные традиции — низовая и высокая, обслуживающие соответственно бытовую потребность читателя в развлекательном чтении и высокие умственные запросы гражданина и члена общества. Писатель, творящий в русле низовой традиции — профессионал-литератор, переводчик западноевропейского романа и оригинальный романист демократической ориентации. Писатель же, творящий в русле высокой литературной традиции — это поэт, пророк и учитель жизни. Даже если его произведение является переводом, оно все-таки превышает значение перевода за счет оригинальности жанровой модели им созданной («Тилемахида» Тредиаковского). И определенное сближение этих традиций намечается только к концу XVIII в. как предвестие перелома эстетических критериев высокой литературы, постепенно пересматривающей свою адресацию к разуму и меняющей ее на адресацию к читательскому чувству.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Литература первой трети XVIII в. (1700—1730): момент перехода от традиций русской средневековой книжности к словесной культуре общеевропейского типа. Это время прихотливого смешения культурных установок древнерусской литературы — анонимной, рукописной, связанной с культурой церкви — и ориентации на словесную культуру нового типа — авторскую, печатную, светскую. В культуре Петровской эпохи господствует так называемый «панегирический стиль», порожденный, с одной стороны, пропагандистским пафосом культурных деятелей эпохи государственных преобразований, а с другой — стремительным усвоением символики и образности европейского искусства. Наиболее репрезентативная фигура этой эпохи — Феофан Прокопович, основоположник светского ораторского красноречия, создатель жанра проповеди — «Слова», которое послужило своеобразным протозанром для литературы следующих десятилетий.

На исходе этого периода начинает свою литературную деятельность А. Д. Кантемир. 1730-й г. ознаменован выходом в свет переводного романа «Езда в остров Любви» В. К. Тредиаковского, к которому он приложил и сборник своих лирических стихотворений. Как справедливо замечает исследователь, «если перевод Тредиаковского фиксировал качественные сдвиги в литературном сознании, порожденные обстановкой, возникшей в результате петровских преобразований, то в сочинениях Кантемира уже прозорливо намечен выбор классицизма в качестве такой художественной системы, которая наиболее органична духовным потребностям утвердившегося в своей силе абсолютизма» [6].

Период становления, укрепления и господства классицизма (1730-е — середина 1760-х гг.). На протяжении 1730—1740-х гг. были осуществлены основные нормативные акты русского классицизма, смысл которых заключался в создании стабильных, упорядоченных норм литературного творчества: реформа стихосложения, регламентация жанровой системы литературы, стилевая реформа. Одновременно с теоретическими мероприятиями русских писателей, которые в это время являются и учеными-филологами, складывается и жанровая система русской классицистической литературы. В творчестве Кантемира и Ломоносова оформляются старшие жанры — сатира и торжественная ода. Творчество Тредиаковского дает образцы художественной прозы, стихотворного эпоса и начинает формировать жанровую систему лирики. Под пером «отца русского театра» Сумарокова складываются жанровые модели трагедии и комедии. Центральной литературной фигурой этого периода является Сумароков — и потому, что с его именем особенно тесно связано понятие русского классицизма, и потому, что его литературная установка на жанровый универсализм творчества привела к оформлению жанровой системы русской литературы XVIII в.

Вторая половина 1760-х — 1780-е гг. — третий период развития русской литературы XVIII в. — является наиболее бурным и многоаспектным, как и соответствующий ему период русской истории. Конец 1760-х гг. — эта первая эпоха гласности в русской истории нового времени — ознаменовался невиданным расцветом публицистических жанров на страницах периодических изданий 1769—1774 гг. В это же время в устойчивой иерархической жанровой системе классицизма намечаются внутренние вихревые движения и кризисные явления, спровоцированные вторжением низовой демократической беллетристики в высокую литературу. Четкая иерархия жанров классицизма начинает колебаться под натиском синтетических структур, соединяющих высокий и низкий литературные миры. При жизни основоположников русской литературы XVIII в.

Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова в литературу входят не только демократические беллетристы 1760—1770-х гг., но и те, кому уже в это двадцатилетие суждено стать писателями, определяющими лицо русской литературы XVIII в. в целом и основоположниками многих плодотворных традиций, уходящих в перспективу XIX и XX вв. Фонвизин, Державин, Крылов, Радищев, образуя новую генерацию писателей, определяют своим творчеством кульминацию русской литературы XVIII в.

Последнее десятилетие XVIII в. — 1790-е гг. — принесло с собой перемену типа эстетического сознания и окончательный перелом от идеологии к эстетике в литературных теории и практике. 1790-е гг. ознаменованы тем, что классицизм в качестве основного литературного метода уступает место сентиментализму, разум — чувству, стремление внушить читателю моральную истину — стремлению взволновать и эмоционально увлечь. Ранние сентименталистские веяния наблюдаются в русской литературе XVIII в. начиная со второй половины 1760-х гг., но статус целостного литературного направления и стройной системы эстетико-идеологических установок творчества русский сентиментализм обретает с момента литературного дебюта Н. М. Карамзина. В этом смысле можно сказать, что в русской литературе XIX в. наступил на 10 лет раньше, чем в русской истории: Карамзин по своим эстетическим установкам скорее является первым классиком русской литературы XIX в., чем последним — XVIII в. Как эстетическое единство русская литература XVIII в. обрела свое кульминационное завершение в творчестве сентименталиста Радищева; сентименталист Карамзин открывал своим творчеством новый век русской словесности.

Общеввропейский тип словесной культуры определяется тремя понятиями: это словесность авторская (индивидуальное творчество), светская (не связанная прямо с церковью и религией) и печатная (по форме бытования текстов в культурном пространстве), т. е. массовая и многотиражная. Что касается древнерусской словесной культуры, то по каждому из этих признаков она антонимична европейскому типу: словесность русского средневековья является анонимной (личность автора не имеет значения), духовной (непосредственно связана с культом и религией), рукописной (т. е. малодоступной, трудоемкой в тиражировании, с ограниченным кругом потребителей). Весь смысл культурной реформы Петровской эпохи и заключался в том, что перестройка массового сознания по законам идеологии персонализма спровоцировала смену традиционного национального типа культуры общеевропейским. И это отнюдь не значит, что русская культура утратила в этом процессе свое национальное своеобразие. В общих рамках европейского культурного сознания национальные особенности русской культуры стали еще очевиднее, поскольку она включилась в общий типологический ряд в качестве его индивидуального элемента, рядом с французской, немецкой, английской, испанской, итальянской и т. д. культурами нового времени.